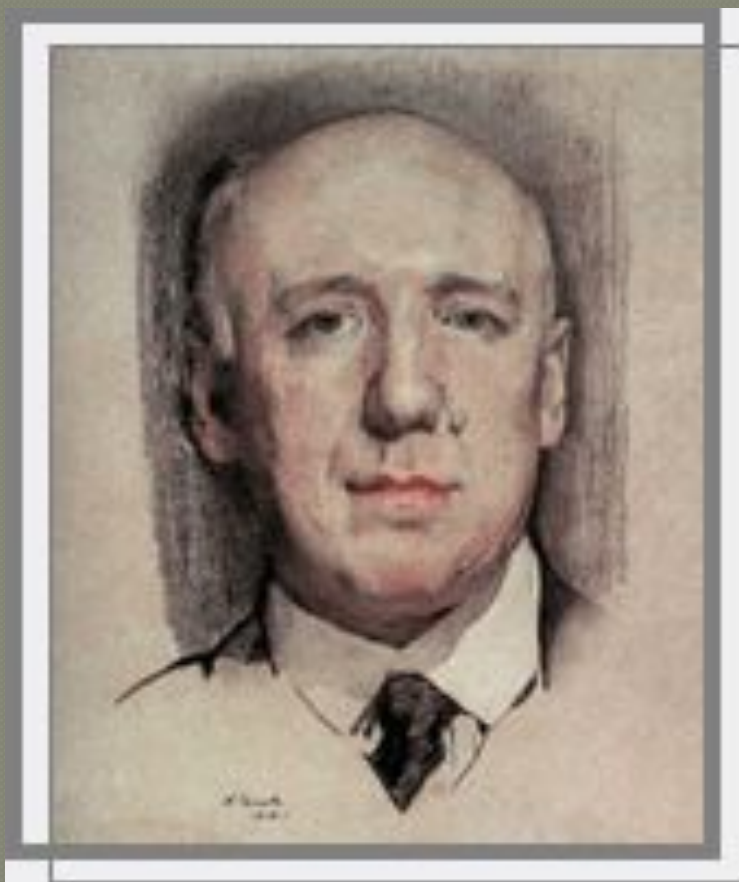

Фёдор Сологуб.

(Фёдор
Кузьмич
Тетерников
1863 – 1927.)

Сологуб кощунствовал и славословил, проклинал и благословлял, воспевал грех и святость, был жесток и добр, призывал смерть и наслаждался жизнью. Ничто у него ничем не вытеснялось, противоречия в нем уживались мирно, потому что самая наличность их была частью его мировоззрения.

(Владислав Ходасевич)

**Простым я подпоясан
ремешком,
В рубашке ситцевой,
зимой суконной,
По улице я в школу
босиком
Хожу, храня порядок
заведённый.**

Детство Фёдора Тетерникова прошло на самом дне жизни. Отец - незаконный сын полтавского помещика, крепостной. После отмены крепостного права осел в Петербурге и занялся портняжным ремеслом, но вскорости умер. Мать Фёдора, оставшись с двумя детьми на руках, поступила в услужение. Фёдор и его сестра были почти воспитанниками в семье коллежского асессора, где было принято читать, музицировать, посещать театры. Вместе с тем дети служанки строго должны были знать своё место. Поэтому лирический герой самых первых стихотворений Тетерникова - босоногий поротый мальчик (пороли и били его и в школе, и дома, хотя было не за что - хорошо учился и выполнял всю заданную работу по хозяйству).

По настоянию матери он в 16 лет поступил в Учительский институт, а в 1882 г., успешно окончив его, поехал служить в город Крестцы Новгородской губернии. Теперь он содержит семью, но мать остаётся главной. Десятилетие, в течение которого Тетерников учительствовал в провинции, было временем унижений, покорности, безденежья

**Я из училища пришёл,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.
Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела,
Порой ворчала и бранила.**

Переломным в судьбе Тетерникова можно считать 1891, когда он познакомился с Николаем Максимовичем Минским, философом и поэтом-символистом, который заинтересовался его творчеством всерьёз. Фёдор переезжает в Петербург, становится сотрудником «Северного вестника», Минский вводит его в круг «старших символистов». Теперь литературная судьба Тетерникова навсегда связывается с именами З. Гиппиус, К. Бальмонта, Д.Мережковского. Там ему и придумали псевдоним «Сологуб», ставший новым именем поэта.

Презрительное отношение к жизни становится художественным фактором творчества Сологуба. Оно приводит его к культу смерти, исчезновения; жизнь всё более и более представляется путём страдания.

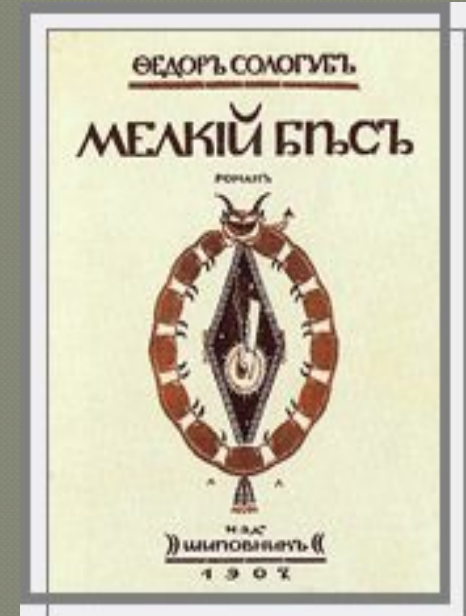
Ощущение бытия как непреходящего страдания («злобного мрака людских страданий»), острое, гнетущее подозрение, что смерть - это всего лишь уход неизвестно куда. Об этом - цикл «Звезда Маир»

Одна из серьёзнейших тем его прозаического творчества - непереносимые для него, как и для Достоевского, детские страдания. Дети в прозе Сологуба, как правило, выступают невинными жертвами извращённых мучительств, а палачами – взрослые.

Роман «Мелкий бес» (1892-1902) принёс Сологубу всероссийскую известность. Герой романа Передонов (естественно, учитель провинциальной гимназии) и жуткое порождение его больной фантазии - Недотыкомка - стали любимыми персонажами литературной критики. В статье «Навыи чары мелкого беса» К. Чуковский заметил о Передонове: «Его, как и Сологуба, как некогда Гоголя, тошнит от мира».

А. Блок, посвятивший писателю статью «Творчество Фёдора Сологуба» и несколько строк в статье «Безвременье», отмечает сологубовское видение «хаоса преисподней», «дьявольского лика», который зрил писатель в человеческой пошлости, в мерзости быта. Недотыкомка - это «ужас житейской пошлости и обыденщины», материализовавшийся в полуфольклорную нечисть, ставшую вечной спутницей безумного учителя.

Жизнь, столь нелестно обрисованная Сологубом в романе, поспешила отомстить ему. В 1907 г. умирает его сестра Ольга Кузьминична, которую он чрезвычайно любил и почитал, с которой никогда не расставался. Одновременно на службе писателю предложили подать в отставку. В стихотворениях этого периода появляется новая метафора жизни - «Чёртовы качели» (название знаменитого стихотворения 1907). Чередование тёмных и светлых периодов жизни вызывает у Сологуба желание уйти, скрыться, спрятаться.

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает чёрт качели
Мохнатою рукой.
Качает и смеётся,
Вперёд, назад,
Вперёд, назад.
Доска скрипит и гнётся,
О сук тяжёлый трётся
Натянутый канат...

...Взлечу я выше ели,
И лбом о землю —
трах,
Качай же, чёрт, качели,
Всё выше, выше... ах!

В 1908 выходит сборник стихотворений «Пламенный круг», воплотивший весь математический символизм Сологуба, его стремление увидеть во всём знак, чертёж, конструкцию. Поэт говорил, что начни он с начала жизненный путь, то сделался бы специалистом по математике или теоретической физике

Он делится с читателем своим жизненным опытом, своей брезгливостью и тошнотой и объясняет, как это выдержать, как через это пройти... Названия циклов выражают этапы духовной жизни сологубовского человека: «Личины переживаний» - «Земное заточение» - «Сеть смерти» - «Дымный ладан» - «Преображения» - «Тихая долина» - «Единая воля» - «Последнее утешение».

Между тем, жизнь Фёдора Кузьмича снова вошла в светлую полосу - он счастливо женился на Анастасии Яковлевне Чеботаревской. Это высокообразованная женщина, писательница, литературный критик, переводчица

Унесла мою душу
На дно речное.
Волю твою нарушу,
Пойду за тобою.

Любила меня безмерно,
Всё отдала, не считая.
Любви беспредельной верный
В жертвенном пламени тает.

Не спасешь меня смертью своею,
Не уйдёшь от меня и за гробом.
Ты мне — камень на шею,
И канем мы оба.

После смерти жены он жил, потому что он был поэт, и стихи к нему шли. Но стихи свои читал он несколько иначе, чем при ней, когда объезжали вместе север, юг и Волгу и «пленяли сердца». Он больше пленять не хотел, он с покорностью своему музыкальному, особому дару, давал в нём публичный стихотворный отчёт, уже ничего для себя не желая. Входил он к людям сразу суровый, отвыкший. От внутренней боли был ядовит и взыскателен. Смеялся же беззубо, не по-стариковски, а по-детски или как лысый японский идол».

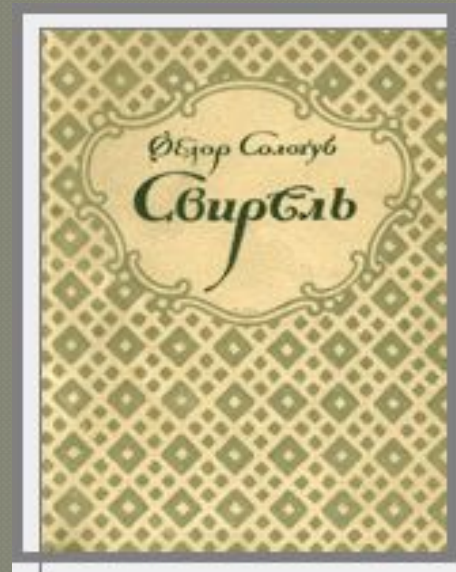
Всё дано мне в преизбытке,—
Утомление труда,
Ожиданий злые пытки,
Голод, холод и беда,

Дёготь ярых поношений,
Строгой славы горький мёд,
Яд безумных искушений,
И отчаяния лёд,

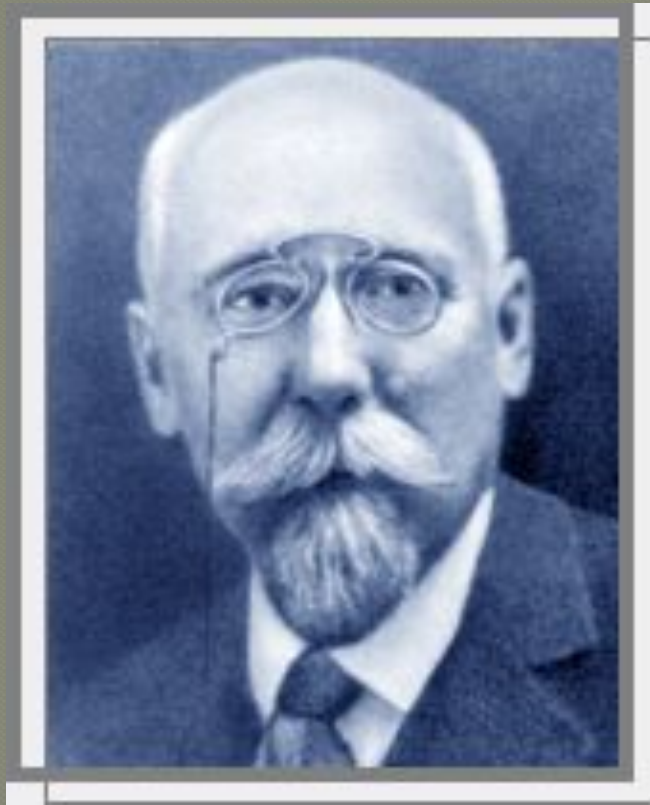
И,— венец воспоминанья,
Кубок, выпитый до дна,—
Незабвенных уст лобзанья,—
Всё,— лишь радость не дана.

В конце жизни Сологуб занялся общественной деятельностью при Союзе ленинградских писателей, сделался даже председателем правления. Его снова печатают, широко отмечают 40-летие литературной деятельности. Вскоре изнуряющая болезнь сделала своё дело, 5 декабря 1927 г. скончался этот певец «мёртвых и навек утомлённых миров», как сказал о нём И. Эренбург.

Ко всему я охладел.
Догорела жизнь моя.
Между прочим поседел,
Между прочим умер я.

В угрюмой, далёкой пещере,
В заклятой молчаньем стране
Лежит уже много столетий
Поэт в зачарованном сне.

Не тлеет прекрасное тело,
Не ржавеют арфа и меч,
И ткани расшитой одежды
С холодных не падают плеч.

В тихий вечер, на распутьи двух дорог
Я колдунью молодую подстерег,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.
Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмешь, —
С ним не бойся, — не захочешь, не умрешь.
Этот камень все на шее ты носи,
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, —
Только жить, все жить ты будешь без конца.
Станет скучно, — ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь».

Не трогай в темноте
Того, что незнакомо –
Быть может, это – те,
Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
быстрый коготь, –

Прикинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? Мучить? Нежить?

Куда ты ни пойдешь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будет после?

Прозрачною щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.

И будет жуткий страх –
Так близко, так знакомо –
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.